#349 P-89

XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

7.

Стр.

305. Древне-русскія братства. Статья профессора **С. И. Кедрова.**

337. Изъ послѣдняго путешествія императора Александра Павловича. **А. Н. Танкова.**

339. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1827-й годъ.

438. Изъ Записокъ **М. С. Сабининой.** 1857-й годъ.

446. Александра Николаевна Бахметева †.

РОСТОВ МУЗЕЙ 26517

Въ приложеніи.

Дневникъ статсъ-секретаря Екатерины Великой А. В. Храповицкаго. 1788—1789.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1857-й годъ*).

7-го (19) Марта. Ея Величеству благоугодно было призвать меня къ себѣ, въ 1 часъ дня. Когда мы съ матерью пріѣхали въ Зимній дворецъ, насъ повели въ золотую гостиную, со сводным потолкомъ; посреди залы развѣтвлялась большая пальма, въ правомъ углу стояла статуя, въ натуральную величину, императрицы Александры Ѳеодоровны, изъ бѣлаго мрамора; вся мебель вызолоченная, столы мозаичные, надъ каминомъ былъ вдѣланъ мозаичный видъ, подаренный папой Григоріемъ XVI-мъ Государю, когда онъ еще Цесаревичемъ былъ въ Римѣ. Словомъ, все помѣщеніе было роскошно. Съ одной стороны залы стоялъ открытый рояль Лихтенталя.

Насъ приняли фрейлина Ея Величества Надежда Арсеньевна Бартенева, которая такъ привѣтливо ко мнѣ подошла, что первый страхъ мой прошелъ, и состоявшій при особѣ Ея Величества Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ. Скоро послышался звонокъ изъ кабинета Ея Величества. Ея камердинеръ пригласилъ Н. А. Бартеневу и меня войти Надежда Арсеньевна представила меня Ея Величеству и немедленно ушла изъ кабинета. Императрица сидѣла у окна, выходящаго на площадь передъ Салтыковскомъ подъѣздомъ. Она была въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ. Издали она сказала мнѣ: «Guten Morgen», и весь разговоръ продолжался на Нѣмецкомъ языкѣ. Сдѣлавъ свой выученный реверансъ, я вытянулась передъ Императрицей и отвѣчала на всѣ предлагаемые мнѣ вопросы, или разсказывала то, о чемъ она меня спрашивала. Узнавъ, что въ предыдущемъ году мой отецъ былъ въ Россіи съ великой княгиней Маріей Павловной во время коронаціи, Ея Величество не могла понять, почему она не только его не видѣла, но даже не знала, что онъ былъ въ Москвѣ. Императрица около часа говорила со мной о

*) См. выше, стр. 267.

всемъ возможномъ. Я все себя спрашивала, какой интересъ Ея Величество можетъ найти въ моемъ разговорѣ, и ничего не понимала; но гораздо позже для меня все стало ясно: это былъ своего рода экзаменъ, сдѣланный мнѣ Ея Величествомъ, въ виду будущаго призванія моего на службу къ великой княжнѣ Маріи Александровнѣ.

Наконецъ, Ея Величество, сказавъ мнѣ, что она не проситъ меня играть у нея въ кабинетѣ, потому что слишкомъ много ковровъ и мягкой мебели, встала и направилась со мной въ золотую гостиную, гдѣ дожидались находившіяся тамъ прежде лица. Ея Величество просила сыграть ей изъ Мендельсона и Шопена. Я сыграла «Frühlingslied» Мендельсона, вальсъ Шопена и большой capriccio Мендельсона. Въ началѣ капричіо вошелъ Государь, въ полной парадной формѣ. Я встала отъ рояля, но Его Величество просилъ меня продолжать и сѣлъ возлѣ Императрицы. Когда я кончила играть, Его Величество милостиво поговорилъ со мною и ушелъ; Императрица же осталась и спросила еще мотивы изъ оперъ Моцарта, Вебера и Вагнера. Прощаясь со мной, Ея Величество благодарила меня и сказала: «До свиданья въ Веймарѣ».

Впечатлѣніе, произведенное на меня Императрицею, было глубокое. Видно было, что она очень умна, здраво разсуждаетъ и подъ наружной холодной оболочкой кроется благородное, теплое сердце; это чувствовалось изъ ея разговора. Раньше многіе говорили мнѣ, что у нея холодная натура; я нашла въ ней только Нѣмецкую сдержанность, которая, вѣроятно, и давала поводъ къ непониманію ея характера. Впослѣдствіи на мою долю выпало рѣдкое счастіе въ теченіе многихъ лѣтъ быть близко къ Августѣйшей Царской семьѣ, и я убѣдилась, что первое впечатлѣніе, вынесенное мною послѣ разговора съ Ея Величествомъ, было вѣрно. Государь поразилъ меня своими выступающими глазами, блѣдностью лица и строгостью выраженія. Когда онъ заговорилъ, то мягкость и звучность голоса свидѣтельствовали, что маска лица не согласуется съ его добротой.

8-го (20) Марта. Въ Филармоническомъ обществѣ данъ былъ концертъ въ память М. Глинки; программа состояла изъ отдѣльнымъ нумеровъ оперъ «Русланъ и Людмила», «Жизни за Царя», «Арагонской Хоты», болеро, скерцо и фантазіи-вальса для оркестра, все сочиненія Глинки. Наконецъ, геніальныя творенія его мало-по-малу стали занимать то высокое мѣсто, которое давно слѣдовало имъ дать. Глинка— родоначальникъ нашей Русской оперы; послѣдователей у него много, но никто еще не сталъ ни выше его, ни рядомъ съ нимъ, потому что

никто еще ни до, ни послѣ него не передавалъ такъ чисто и вѣрно Славянскій духъ; онъ мѣтко усвоилъ его и облагородилъ въ звукахъ. Теперь, 30 лѣтъ спустя, я опять скажу, что наша молодая школа, какъ Рубинштейнъ, Чайковскій, Кюи, Сѣровъ и другіе, не могутъ примкнуть къ Глинкѣ. Между ними есть геніальные писатели, но ихъ творчество не носитъ одинъ только чисто-Славянскій характеръ; нѣтъ, у нихъ еще является примѣсь западнаго, они прислоняются къ школѣ Мендельсона, Шумана и т. д., за исключеніемъ Балакирева, который проявляетъ много самостоятельности. Но, не смотря на космополитическій характеръ нашихъ молодыхъ Русскихъ композиторовъ, они основали новую эру въ нашемъ музыкальномъ развитіи, которому предстоитъ великая будущность; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. А тотъ изъ нихъ, который больше пойметъ и сохранитъ характеръ голоса Славянскаго народа, тотъ воздвигнетъ Славянскую музыкальную школу на основаніи, положенномъ Глинкою. Можно очень сожалѣть, что наша Консерваторія не поняла прямой своей задачи, вырабатывать Русскую школу въ музыкѣ, а, въ разрѣзъ Славянскимъ стремленіямъ и направленію, почти исключительно руководилась Евреями, которые, хотя бо́льшею частью перекресты, недостаточно слились съ Христіанскимъ духомъ, чтобы утерять свой Семитскій характеръ, заглушающій зародыши Славянской самостоятельности.

10-го (22) Марта. Былъ мой второй концертъ въ Университетской залѣ. Программа состояла изъ: 1) Les Préludes, симфоническая поэма Листа для двухъ роялей, исполнили И. Ѳ. Нейлисовъ и я (первый разъ играно въ Россіи). 2) Арія Меркаданте, А. Д. Кочетова (Александрова). 3) Рондо Папагено-Паганини, исп. Григорьевъ. 4) Marche funèbre Шопена и рондо Мендельсона—я. 5) Русскій романсъ Кочетовой и Французскій Леви спѣла Кочетова. 6) «Не бѣлы снѣги», соч. и игра Григорьева. 7) «Ständchen» и «Die Forelle» Шуберта, переложенныя Листомъ и Геллеромъ, играла я. 8) Арія изъ «Волшебнаго Стрѣлка», пѣла Кочетова. 9) Венгерская рапсодія Листа, играла я.

На слѣдующій день, 11-го (23) Марта, меня повезли въ Смольный монастырь, чтобы играть передъ воспитанницами Общества благородныхъ дѣвицъ. Насъ приняла старая начальница института, Марія Павловна Леонтьева; она знала мою мать и сестеръ, пробывшихъ нѣсколько лѣтъ въ Смольномъ. Въ юности я только и бредила о томъ, какъ бы попасть въ число воспитанницъ Смольнаго монастыря; но впослѣдствіи, познакомившись съ результатами трехлѣтняго тамошняго воспитанія моей сестры Маріи, я была рада, что судьба меня не повела туда: она вернулась къ намъ съ такими фальшивыми взглядами,

которыхъ дальнѣйшая жизнь ея въ семьѣ не могла изгладить; она такъ отличалась отъ всѣхъ другихъ сестеръ, что была въ семьѣ какъ отрѣзанный ломоть. Меня это сильно огорчало, и я смотрѣла на всѣхъ этихъ дѣвочекъ, какъ на неспособныхъ будущихъ матерей, но не по ихъ собственной винѣ, а по превратнымъ понятіямъ о воспитаніи юношества. Какимъ неоцѣненнымъ гнѣздомъ для развитія молодого поколѣнія могли бы быть, при правильной постановкѣ, и этотъ Смольный монастырь и всѣ остальные институты! Императрица Марія Александровна, разговаривая разъ со мною объ институтахъ, сказала: «Я вижу и чувствую всѣ недостатки институтскаго воспитанія, но не въ силахъ ихъ измѣнить; для ихъ преобразованія нужно много силъ и энергіи, которыхъ больше нѣтъ у меня»...

13-го (25) Марта. Мы оставили Петербургъ, направляясь въ Москву. Близъ станціи Торбино мы свернули въ сторону, въ имѣніе адмирала Лисовскаго, гдѣ познакомились съ зимнею жизнью въ помѣстьи, окруженномъ густымъ сосновымъ боромъ. Ночью къ балкону дома подходили волки, лоси и всякіе звѣри, томимые голодомъ. Въ домѣ господствовало Русское гостепріимство въ широкомъ смыслѣ слова: ѣли безъ конца, спали много, играли въ карты, музицировали, болтали и ничего не дѣлали. Радушные хозяева и ихъ дочери старались оживить монотонную деревенскую жизнь прогулками пѣшкомъ, катаніемъ въ саняхъ и т. п.

19-го (31) Марта. Мы отправились въ Тверь, съ письмомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго къ губернатору, Александру Павловичу Бакунину. Когда мы познакомились съ нимъ и съ его семьей, они мнѣ отсовѣтовали играть въ Твери, такъ что мы, отдохнувъ всего только одинъ день, отправились дальше, въ Москву, куда прибыли 21-го Марта (2 Апрѣля) и остановились у хорошаго знакомаго моего отца, Михаила Петровича Погодина, жившаго на Дѣвичьемъ полѣ. Онъ былъ окруженъ очень милой семьей: его жена (вторая) Софія Ивановна, мать первой жены, старушка не покидавшая своей постели, двѣ дочери и сыновья. Погодинъ былъ живой, умный, предпріимчивый и въ полномъ смыслѣ слова Русскій человѣкъ, отличный историкъ, много занимавшійся Русскими древностями. По этому поводу онъ и былъ въ постоянной перепискѣ съ моимъ отцомъ. У Михаила Петровича были весьма рѣдкая портретная галлерея Русскихъ писателей и большая коллекція старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, чарокъ, стакановъ и тому подобныхъ принадлежностей для питья; сколько мнѣ извѣстно, коллекція эта еще при жизни его была пріобрѣтена для Кремлевской Грановитой Палаты. Защищая все Русское, Погодинъ и

мнѣ оказалъ свою поддержку, для устройства концерта въ Москвѣ, въ большой залѣ Благороднаго Собранія.

22-го Марта (3 Апрѣля). Мы сдѣлали визитъ генералъ-губернатору Закревскому и его семейству.

Верстовскій, директоръ Императорскихъ театровъ и композиторъ «Аскольдовой Могилы», пріѣхалъ ко мнѣ и также очень любезно поддерживалъ меня своими совѣтами. Въ Москвѣ совсѣмъ другой духъ, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ чужестранные элементы такъ недружелюбно относятся ко всему Русскому; въ Москвѣ же Русскій элементъ преобладающій и рѣшающій.

На слѣдующій день мы отдали Верстовскому визитъ и окончили съ нимъ всѣ дѣловые вопросы: разрѣшеніе дать концертъ, печатаніе афишъ, наемъ залы и т. д. Всѣ эти скучныя приготовленія къ концерту сильно надоѣдали мнѣ: сколько хлопотъ и времени приходилось мнѣ тратить на нихъ, при безконечныхъ разстояніяхъ такого большого города, какъ Москва!

М. П. Погодинъ не замедлилъ напечатать обо мнѣ и о моемъ пріѣздѣ въ Москву замѣтку въ Вѣдомостяхъ Московской городской полиціи. Я должна была пригласить еще артистовъ къ участію въ моемъ концертѣ. Я обратилась къ віолончелисту г-ну Шмиту (senior), но онъ самъ отказался играть, а предложилъ своего сына Александра, игравшаго на томъ же инструментѣ. Г-нъ Кламротъ, скрипачъ, обѣщалъ мнѣ играть. Затѣмъ начались разные визиты: къ княгинѣ Четвертинской, княгинѣ Голицыной, къ Аксаковымъ, Кошелевымъ и другимъ.

27-го Марта (8 Апрѣля). Я была въ концертѣ піаниста Мортье-де-Фонтэнъ. Изъ всего концерта больше всего меня интересовали Варіаціи Шумана, такъ какъ въ исполненіи ихъ участвовалъ Н. Г. Рубинштейнъ. Его мягкій, пѣвучій туше и музыкальная передача сочиненій Шумана мнѣ очень понравились. Послѣ концерта я познакомилась съ нимъ и была поражена, какъ онъ мало напоминалъ Антона Григорьевича. M-me Мортье пѣла довольно хорошо, но голосъ ея былъ уже не первой свѣжести.

На слѣдующій день Н. Г. Рубинштейнъ пріѣхалъ ко мнѣ, и мы много разговаривали о разныхъ музыкальныхъ личностяхъ. Потомъ я отправилась въ залу Дворянскаго Собранія, чтобы пробовать свои силы и рояль, а затѣмъ—къ Мортье.

Когда, по возвращеніи моемъ въ Веймаръ, Листъ узналъ, что въ Москвѣ я видѣла Мортье-де-Фонтена, онъ разсказалъ мнѣ, что зналъ

его совсѣмъ молодымъ человѣкомъ въ Парижѣ и очень имъ интересовался, всячески его поддерживалъ, участвовалъ въ его концертахъ и т. д. Листъ оставилъ Парижъ и пріѣхалъ въ Вѣну; недолго спустя является и Мортье къ Листу въ Вѣну и проситъ его устроить ему концерты, такъ какъ онъ остался безо всякихъ средствъ. Листъ узнаётъ, что со времени ихъ разлуки въ Парижѣ, Мортье надѣлалъ много глупостей; но ихъ можно простить, потому что каждый молодой человѣкъ ихъ дѣлаетъ; и въ Вѣнѣ Листъ опять такъ помогъ ему, что уѣзжая оставилъ Мортье въ очень хорошихъ обстоятельствахъ и на хорошей дорогѣ. Изъ Вѣны Листъ уѣхалъ въ Баденъ-Баденъ, чтобы навѣстить м. Калерджи. Но велико было его удивленіе, когда въ одно прекрасное утро является къ нему Мортье-де-Ф., совсѣмъ въ отчаяніи, и проситъ его оказать ему дружбу: увезти для него изъ Дрездена молодую, некрасивую Польку изъ Волыни, дѣвушку очень хорошей фамиліи, а главное, обладательницу нѣсколькихъ милліоновъ Польскихъ злотыхъ. Листъ ему отказалъ, говоря, что въ подобныя дѣла онъ не вмѣшивается. Мортье уѣхалъ. Изъ Баденъ-Бадена Листъ отправился въ Кельнъ и тамъ опять встрѣчается съ Мортье. Листъ спрашиваетъ у него, что̀ сталось съ молодой Полькой? Мортье отвѣчаетъ: C'est tout oublié. Но при этомъ Мортье проситъ Листа дать ему денегъ; Листъ опять выдаетъ ему около ста талеровъ. Къ своему удивленію, на слѣдующее утро Листъ узнаетъ, что Мортье уѣхалъ изъ Кельна съ молодой пѣвицей, въ дорожномъ экипажѣ, запряженномъ четверкой лошадей. Потомъ Листъ узналъ, что Мортье въ Россіи и, по его предположенію, жена Мортье, которую я видѣла, и была этой молодой пѣвицей. Въ 1845-мъ году Листъ былъ въ Россіи и, пріѣхавъ на Волынь, встрѣтился съ однимъ изъ своихъ друзей, женившимся на бывшей невѣстѣ Мортье, которую тотъ просилъ Листа увезти. Листъ спросилъ своего друга, какъ кончилась исторія съ Мортье и, къ удивленію своему и негодованію, узналъ, что, когда помолвка не состоялась, Мортье не хотѣлъ возвратить ея родителямъ пи́сьма своей бывшей невѣсты и уѣхалъ, удержавъ ихъ при себѣ; но изъ перваго же города написалъ ея отцу, что онъ выдастъ ему письма его дочери, если ему заплатятъ 10000 гульденовъ. Листъ прибавилъ: «On peut avoir de petites histoires de coeur, mais agir de cette manière c'est trop fort». Впослѣдствіи, когда Листъ былъ въ Гамбургѣ, къ нему явился Мортье, но Листъ велѣлъ сказать ему, чтобы онъ болѣе не трудился его навѣщать.

29-го Марта (10-го) Апрѣля вечеромъ былъ мой концертъ. Программа была:

1. Венгерская рапсодія № II, Листа—играла я.
2. Фантазія для віолончели Серве—А. Шмитъ.
3. а) Этюдъ Шопена (As), б). Пѣсня безъ слова Мендельсона—играла я.
4. Романсы—г-жа Мортье.
5. а) Соловей — Листа.
   б) «Бывало»— Вьельгорскаго-Гензельта } играла я.
6. Соло для скрипки—Г. Кламротъ.
7. а) Мазурка (B-dur)—Шопена
   б) Форели—Геллера } играла я.

и еще прибавила Erlkönig - Шуберта-Листа, и хроматическій галопъ Листа. Концертъ во всѣхъ отношеніяхъ мнѣ удался.

Большой наградою за всѣ годы трудовъ и прилежанія былъ для меня тотъ теплый пріемъ, который оказали мнѣ Москвичи; онъ поднялъ вновь мою энергію къ дальнѣйшему труду, а никто не понималъ и не чувствовалъ такъ хорошо, какъ я, что мнѣ еще предстояло много поработать. Выступленіе на судъ публики необходимо каждому артисту, для яснаго пониманія своихъ силъ и средствъ: это самый вѣрный барометръ. Тогда чувствуешь, чего недостаетъ тебѣ и чего слѣдуетъ добиваться, на что обратить вниманіе. Критика еще не такъ благонадежна и безпристрастна у насъ, какъ было бы желательно для артистовъ; между ними нѣтъ такихъ музыкальныхъ натуръ, такихъ глубокихъ знатоковъ музыки, какъ въ былое время, Шуманъ, Листъ и другіе, писавшіе много критически - музыкальныхъ статей, которыя останутся историческими музыкальными документами.

На слѣдующій день Н. Г. Рубинштейнъ и его жена*) пригласили мою мать и меня къ себѣ обѣдать; кромѣ насъ обѣдали его учитель Вилуанъ, Дмитріевъ, Шпаковскій и Грачи́. Ихъ домъ казался такимъ счастливымъ домашнимъ очагомъ, но счастье и спокойствіе его не долго длились; жена потомъ оставила Н. Г., и съ того времени жизнь его была разбита и въ музыкѣ: пошли кутежи и карты, что̀ и было причиной его преждевременной смерти.

31-го Марта. (12-го) Апрѣля. Посѣтили насъ артисты Кламротъ, Вѣра Погожева, Вилуанъ съ дочерью; пришли и Аксаковы и хромой графъ Толь съ дочерью.

1-го (13-го) Апрѣля. Наступила Страстная седмица. Послѣ полуночи всѣ мірскія развлеченія замираютъ на недѣлю. Унылый, медлен-

*) Урожденная Хрущова. П. Б.

ный великопостный звонъ призываетъ народъ къ молитвѣ, всѣ стремятся въ церковь, чтобы очистить душу свою отъ прилипшей къ ней земной грязи и, нравственно омывшись, быть готовыми встрѣтить Свѣтлый Христовъ праздникъ. Надо видѣть Москву въ теченіе Страстной недѣли, Москву, встрѣчающую Пасху. Съ Ивана Великаго раздается первый ударъ колокола, гудитъ и разносится далеко за предѣлы города, возвѣщая замиравшей Москвѣ, что наступаетъ праздникъ; ему вторятъ всѣ колокола со всѣхъ концовъ Москвы, и благовѣстъ длится до перваго удара полуночи, когда мгновенно раздается оглушительный трезвонъ со всѣхъ, ярко освѣщенныхъ церквей, которыя, какъ огненныя явленія, выдѣляются на темномъ ночномъ небосклонѣ. Крестные ходы, какъ огненныя рѣки, выступаютъ изо всѣхъ церквей и при радостномъ пасхальномъ пѣніи троекратно обходятъ ихъ, возвращаясь внутрь церкви, для слушанія утѣшительной для всѣхъ скорбящихъ утрени и божественной литургіи. Тотъ, кто съ дѣтства такъ встрѣчалъ Пасху, не можетъ понять, какое глубокое впечатлѣніе это производитъ на душу человѣка, прожившаго, какъ я, всю свою жизнь въ протестантской странѣ, гдѣ всѣ внѣшніе признаки праздниковъ, за исключеніемъ съѣдобнаго, сведены на пѣніе псалмовъ и слушаніе проповѣдей.

9-го (21 Апрѣля). Поблагодаривъ нашихъ радушныхъ хозяевъ за хлѣбъ-соль, мы уѣхали изъ Москвы и предполагали опять отдохнуть нѣкоторое время въ имѣніи у Лисовскихъ. Но 12-го (24) до насъ дошло грустное извѣстіе, что братъ Василій боленъ; мать рѣшила на другой же день ѣхать къ нему въ Петербургъ, меня же оставить на отдыхъ въ деревнѣ, тѣмъ болѣе, что я кашляла. Но черезъ нѣсколько дней (18-го (30) Апрѣля) и я вернулась въ Петербургъ и поспѣшила навѣстить больного брата. Я была поражена совершившейся съ нимъ страшной перемѣной: онъ страшно похудѣлъ послѣ воспаленія легкихъ и сильнаго кровохарканія, и зловѣщій кашель не прекращался. Рѣшили, какъ можно скорѣе вывезти его изъ Петербурга. Онъ еще былъ такъ слабъ, что не вставалъ съ постели, такъ что его на рукахъ снесли на Васильевскій островъ, откуда уходили пароходы въ Любекъ; о сухопутномъ путешествіи съ нимъ нельзя было и думать. Бѣдному Степану было очень грустно: онъ опять оставался одинъ въ Петербургѣ.

4-го (16) Мая, въ 9 часовъ утра, насъ повезли на маленькомъ пароходѣ до большого «Феликсъ», который ожидалъ въ морѣ, на мѣстѣ болѣе свободномъ ото льда. Чтобы добраться до «Феликса», нашему маленькому пароходу пришлось лавировать между льдинами; наконецъ, мы пересѣли на «Феликсъ». Около часа дня пароходъ вдругъ

остановился; оказалось, что мы сѣли на мель, и вплоть до шести часовъ вечера не было возможности сдвинуть его съ мѣста. Поднялась метель, было сыро и холодно. Наконецъ, въ восемь часовъ вечера, мы добрались до Кронштадта. На слѣдующій день мы все утро простояли въ Кронштадтѣ, и только въ 2 часа, при хорошей погодѣ, отправились въ дальнѣйшій путь. Нѣсколько часовъ спустя, морской воздухъ, благотворный для грудныхъ больныхъ, оказалъ свое живительное дѣйствіе и на Василія. Онъ всталъ и сѣлъ на палубѣ; и чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ лучше онъ себя чувствовалъ, такъ что, пріѣхавъ въ Любекъ (9-го (21) Мая), онъ самъ пошелъ пѣшкомъ въ гостиницу. Подъѣзжая къ Любеку, чувствовалась весна: мягкій, теплый воздухъ ласкалъ насъ, послѣ сѣверныхъ морозовъ. Когда мы вышли на берегъ, все было уже въ цвѣту, и намъ предлагали спѣлыя черешни; мы двигались какъ во снѣ, не вѣря своимъ глазамъ. Мы осмотрѣли церковь Св. Маріи и, глядя на брата, какъ онъ всѣмъ интересовался, сердце радовалось: такъ онъ поднялся силами.

На слѣдующее утро мы уѣхали черезъ Магдебургъ въ Веймаръ, куда прибыли въ часъ ночи 11-го (23) Мая. Радость быть опять вмѣстѣ съ семействомъ была велика; спрашивали, разсказывали и всячески старались облегчить брату его желаніе работать. Утромъ я отправилась въ загородный дворецъ, чтобы представиться гросгерцогинѣ Софіи Саксенъ-Веймарской, послѣ возвращенія своего изъ отпуска, а на слѣдующій день меня приняла наша великая княгиня. Всѣ мои друзья и знакомые приходили навѣщать насъ.

А. Н. БАХМЕТЕВА.

Дань ея памяти.

Ehret die Frauen:
Sie flechten und weben
Himmlische Rosen in's irdisches Leben.

По милости Божіей, Русская земля издавна не скудѣетъ доблестью женскою. Можно навѣрное сказать, что лишь свойственная намъ неизъявительность скрыла отъ исторической любознательности имена многихъ и многихъ подвижницъ долга и чистой любви, и что немало у насъ Пушкинскихъ Татьянъ во всѣхъ сословіяхъ и во всякой обстановкѣ. Слѣдовало бы составить особый сборникъ съ жизнеописаніями Русскихъ достопамятныхъ женщинъ, и чтеніе такого сборника было бы утѣшительно для нашего родного чувства и назидательно для самосознанія. Въ него должны бы войти съ конца передпрошлаго столѣтія: Екатерина Ивановна Нелидова, Наталья Ивановна